

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

СИМВОЛИЗМ U: I КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛА (РОДА) И РАЗМЕРОВ В СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

Естественный, безусловный символизм гласных u (низкий тон) : : i (высокий тон)¹ при обозначении „большого“ : : „малого“ принадлежит к числу наиболее известных. Со времени исследований О. Есперсена, Э. Сэпира и С. Ньюмена это положение заняло прочное место в мировой лингвистике,² и споры могут идти лишь о большей или меньшей роли этого символизма в различных областях. Объяснение названной символики также весьма просто: колебания больших тел (большей амплитуды) создают низкий звук, колебания меньших тел — высокий звук (ср. 'бум' : : 'бим' и т. п.); в частности, это относится к голосам различных живых существ (в зависимости от длины голосовых связок и т. п., что связано с размерами тела, ср. 'урчанье' : : 'писк' и т. п.).

Правда, склонность к такой символике проявляется особенно явно при свободном словотворчестве. Например, О. Есперсен сообщает о ребенке, изобретшем для себя слова lukul 'большой стул (кресло)' : : likil 'маленький стульчик (кукольный)' (при нейтральной форме lakeil).³ В естественных языках столь полное противопоставление — ср. прото-полинезийское oho 'большой' : : i—i 'маленький'⁴ — встречается реже; оно бывает более замаскировано и в разных языковых семьях может выражаться более или менее своеобразно. Рассмотрим это противопоставление в семитской (с привлечением „хамитских“ ветвей) языковой семье.

¹ Знаком : : обозначаем противопоставление.

² O. Jespersen. Symbolic Value of the vowel i. *Philologica* I, 1922, p. 1 sqq; E. Sapir. A Study in Phonic Symbolism. *Journal of Experimental Psychology*, 1929, № 2, pp. 225—239; S. Newman. Further Experiments in Phonic Symbolism. *American Journal of Psychology*, vol. 45, 1933, pp. 53—75; J. M. Kofinek. Studie z oblasti onomatopoeje. Praha, 1934, str. 159 sq.; R. Brown. Words and Things. Glencoe, 1959, pp. 112—113, sq. 132 (Браун ставит под вопрос „всемирность“ этого явления, так как оно не ощущалось китайцами, с которыми он работал — p. 129. Но в китайском иное, прямое различие тонов самих по себе, где и следует, видимо, искать соответствия нашему u : i); В. Пизани. *Этимология*. М., 1956, стр. 95.

³ O. Jespersen. Symbolic value. . . , p. 1 (со ссылкой на Габеленца).

⁴ Там же (со ссылкой на Р. Пэджета, который объясняет этот символизм, на наш взгляд, слишком сложно: большее обозначалось якобы жестом большего раскрытия рта, откуда o, a : i).

Нужно заранее пояснить, что семито-хамитские соответствия могут надежно строиться лишь на сравнении полугласных $\text{u}::\text{i}$ в составе дифтонгов или долгих гласных $\text{û} (= \text{u}\text{u})::\text{î} (= \text{i}\text{i})$. Краткий узкий гласный не распадался на фонемы, возможно, вплоть до эпохи разделения семитской ветви на группы ($\text{u}/\text{i} = \text{y}$).

1. СИМВОЛИКА „МУЖСКОГО“ (UЦ) И „ЖЕНСКОГО“ (Ц)

Эта символика является лишь частным случаем, преломлением указанного выше противопоставления. Представители мужского пола у человека (большинства животных и птиц), как правило, крупнее представительниц женского пола, и голос у первых ниже, чем у вторых.

Противопоставление $\text{û} (\text{u}\text{u})::\text{î} (\text{i}\text{i})$ для различения полов (родов) является прасемито-хамитским (среди „хамитских“ языков определенно отмечено в египетском), оно достаточно известно, [хотя с точки зрения символизма, насколько мы знаем, не объяснялось.⁵ Кратко повторим фактический материал.

Наиболее ярко это противопоставление проявляется в области личных местоимений самостоятельных 3-го л. ед. ч. — ‘он’: ‘она’: егип. $\text{su}::\text{sj}$; аккад. $\text{šu}[\text{atu}]:\text{ši}[\text{ati}]$;⁶ угарит. $\text{hu}[\text{t}]:\text{hi}[\text{t}]$; араб. $\text{hu}\text{u}::\text{hi}\text{i}$; евр., араб. $\text{hû}::\text{hî}$; эфиоп. $\text{uə'ətū}::\text{iə'əti}$ и т. д., по всем семитским языкам.⁷ Эти же местоимения используются в качестве указательных ‘тот’: ‘та’.

В области собственно указательных местоимений с основой $\text{d}[\text{ə}]$ — они же часто играют роль относительных — полное противопоставление этого типа находим только в египетском диалекте арабского языка: $\text{du- 'ətot}::\text{di- 'əta}$ в составе сложных форм.⁸

В эфиопском языке наряду с общеродовым числительным kələ'ə ‘двое’ находим формы с тем же противопоставлением: kələ'ətu ‘два’: kələ'əti ‘две’, наподобие этого ahadū ‘один’: ahatti ‘одна’.

И, наконец, в области имени можно вспомнить противопоставление окончаний в арабских моделях $\text{-û-a-u}::\text{-a-â-i}$, особенно в бранной формуле $\text{jâ luka'u} (\text{huba'u})$ ‘ах ты подлец!’ :: $\text{jâ lakâ'i} (\text{habâ'i})$ ‘ах ты подлая!’, и т. п.; эти модели представлены также в качестве личных имен соответствующих полов (в им. падеже; в косвенном конечная флексия звучит одинаково: -a).⁹

⁵ Большинство фактов собрал Jacob Barth (Die diptotische Flexion. ZDMG, vol. 46, 1892, SS. 684—708).

⁶ Формы с $\text{-tu}::\text{-ti}$ — косвенный падеж. Двойное противопоставление дает излишнюю информацию и может сниматься.

⁷ Следы иной, именной системы, где женский род выражается окончанием -(a)t , сохранились в так называемых египетских „старых“ формах $\text{su}::\text{st}$ (М. А. Коростовцев. Введение в египетскую филологию. М., 1963, стр. 128—129), а в семитских языках, видимо, в несамостоятельных формах типа $\text{-hu/hi}::\text{-hâ[t*]}$. Последние всегда безударны, что, видимо, делало трудным их различение по тону.

⁸ Чаще $\text{d}[\text{ə}]:\text{dât}$ (см. прим. 7), видимо, в связи с их легкой субстантивизацией, склонением по всем падежам (араб.).

⁹ Тип -a-â-i ср. с эфиопским -a-â- [i*] (восстановление наше), частой моделью имен прилагательных женского рода (рядом с формами на -t).

Это может быть одним из следов более древней, семито-хамитской системы *-ц::*-і в области имен, подобно сказанному о личном местоимении. Имеются и другие ее следы. В египетском языке окончанием (суффиксом) мужского рода в большом числе имен является -ц; в женском роде гласный неизвестен (снабжен дополнительным -t); в коптском языке (после отпадения -t) возникает обычно окончание женского рода -e/i (ср. выше систему египетских местоимений sq::sj/st). Окончание женского рода -і известно также в кушитском языке агау. Среди семитских языков в угаритском известно окончание женского рода -j(-aj), особенно в именах личных, что сопоставляется с евр. -aj/-ā (Šaraj/Sarā 'Сарра'); в сирийском -aj/-ê; в арабском лишь на письме сохраняется частое окончание женского рода -âj, где полугласный не читается. Кроме того, окончание женского рода -it, -iġat (-j + t) часто образуется там, где основа вне рода не имеет гласного или полугласного элемента в конце (угар.; сир., евр. после -ān и др.).¹⁰

Надо сказать, что в области именных окончаний женского рода уже выдвигалось предположение о международной символической -і-, родственной таковой в именах уменьшительных (например, романские суффиксы -ina, -ita, ср. ниже; санскр. -і и др.).¹¹

В области внутренней флексии имени можно отметить некоторые пары, из которых приведем евр. bākōr 'старший (сын, брат) :: bākīrā 'старшая (дочь, сестра)'. Это явление, однако, правильнее рассматривать ниже как включившее подлинно уменьшительную форму в женском роде, как 'старший' :: 'старшенькая' (дело идет о правах, где брат всегда 'старше' сестры).¹²

Кроме описанного полного противопоставления по тону, имеются случаи, когда слово (морфема), видимо первоначально общего рода, с гласным нейтрального тона (типа а) или нулем гласного, выделяет из себя форму женского рода (с гласным і), само оставаясь, таким образом, в функции рода мужского. Так, арабское супплетивное противопоставление dā 'этот' :: tā 'эта' расширяется дополнительными формами женского рода: dā 'этот' :: tā > tī, tih[i] 'эта', а также dā 'этот' :: dī, dih[i] 'эта';¹³ общесемит. 'anta 'ты' (м. р.) :: 'anti 'ты' (ж. р.); -ка

¹⁰ И. М. Дьяконов. Семито-хамитские языки. М., 1965, табл. 4, стр. 54; М. А. Коростовцев. Введение в египетскую филологию, стр. 121; С. Сегерт. Угаритский язык, М., 1965, § 4.24 (конец), стр. 31; С. Н. Gordon. Ugaritic Handbook. Roma, 1947, § 8.38, p. 53—54; С. Brockelmann. Syrische Grammatik. Leipzig, 1955, §§ 105—107, SS. 60—61. Ср. также о следах системы -о::-е в кушитских языках группы садама (W. Vucichl, WZKM, vol. 46, 1939, S. 299).

¹¹ O. Jespersen. Symbolic value... О двойкой роли -і в индийских диалектах см.: И. М. Оранский. Индоиранские диалекты Гиссарской долины. Автореф. докт. дисс., Л., 1967, § 40, стр. 27—28.

¹² См. прим. 25. Форма bākōr < *bukār или bukur[r] (ср. араб. kuburr). Но есть языковые семьи, где внутренняя флексия выражает именно пол, например маньж. а-а... :: е-е...

¹³ На наш взгляд, нет оснований для известного сравнения этой арабской пары с евр. ze :: zō (гораздо чаще zōt!), араб. zā :: zā (недостаточно zāt) и т. п. ввиду несовпадения в роде. Вернее соответствие последних араб., южноараб. d[ə] :: dāt (см. прим. 8).

'ты, тебя' (м. р.)::-ki 'ты, тебя' (ж. р.), глагольные морфемы того же лица и числа -ta::-ti („суффиксальное спряжение“), t... 0 (нуль)::t...i („префиксальное спряжение“); последнее окончание также в повелительном наклонении женского рода. Есть и „хамитские“ соответствия в области личных местоимений: егип. -k::-č = \underline{t} (< *k \underline{t}), хауса ka::ki \underline{a} /ki, беджа (кушит.) -uk[a]::-uk[i], глагольных форм: беджа t...a::t...i. Ср. берб. -эп, -ап::-ип (окончания м.::ж. рода мн. числа имен).

II. СИМВОЛИКА „МАЛОГО“ (I) ИЛИ „УМЕНЬШЕННОГО“ (UAI)

Надо сказать, что полное лингвистическое противопоставление типа u „большое“ :: i „малое“ встречается не столь часто. В том числе и в семитских языках пары вроде араб. hurg 'лев' :: hirg 'кот, кошка' могут быть отмечены лишь эпизодически, и различие их остается только лексическим.

Имена уменьшительные, видимо, распространеннее увеличительных в мировом масштабе. Это следует связать с тем, что в природе чаще наблюдается „уменьшенная копия“ нормы (в органическом мире, где за норму берется взрослая особь).¹⁴ Так, особенно известен символизм именно уменьшительных суффиксов, например в индоевропейских языках: англ. (разговорное) -у, -ie[i], ит. -ino, исп. -ico, -ito, и т. п.¹⁵ Ср. русск. -ик, -очек (< -ок + ек; читай -очик) и др.

В семитских языках, где гласные играют исключительно важную роль (в качестве инфиксов, вернее „трансфиксов“) в словообразовании и словоизменении, ярко выступает уменьшительная роль звука типа i в ударном (реже, видимо, в бывшем ударном) слоге; его высота часто подчеркивается контрастным u в предыдущем, безударном слоге (с переходом через нейтральное a), что дает картину *не просто высокого, а восходящего тона*.

Средствам „уменьшительности и увеличительности“ в семитских языках уделено некоторое внимание в литературе, но без учета роли символизма.¹⁶

Наиболее известна арабская модель -u-á-i- с вариантами -u-a-á-i-, -u-á-i-i-, -u-á-i-i/- и др. (в зависимости от типа имени уменьшаемого), обозначающая уменьшенность любого объекта, включая также уничижитель-

¹⁴ Ср. в разделе I (конец), где за „норму“ берется иногда мужской род, и вместо u :: i мы находим нуль гласного :: i.

¹⁵ См. литературу в начале статьи. Для нас особенно важны чисто гласные морфемы, иначе их „суть“ может заключаться в согласном: лат. -l- (но ср. bacillum от bācillum); русск. -ик/-ок и, наоборот, -ищ/-ущ- („большущий домище“). Нужно учитывать дополнительную окраску суффиксов (о ласкательной — см. раздел IIa) и возможные изменения значений со временем. В славянских языках следует также учесть разное произношение и: так, „увеличительные“ суффиксы -ище, -ива = укр. [-ыще, -ына]; ср. польское уменьшительное -ina.

¹⁶ С. Brockelmann. *Deminitiv und Augmentativ im Semitischen*. ZS, Bd. 6, 1928, SS. 109—134. Сверх моделей (форм) собственно уменьшительных (мы добавим некоторые) автор затрагивает ряд других, дающих, по его мнению, то уменьшительное, то увеличительное значение (например, -u-á-; мы таких форм не коснемся). Другие работы назовем по ходу статьи.

ную, жалостливую, иногда ласкательную оценку (общелингвистическое явление); например *kulaḵb* 'песик', 'собачка', 'собачонка' (от *kalb* 'пес', 'собака'), *ḡuḡajl* 'человечек', 'человечишко' (от *ḡaḡul* 'человек', 'мужчина') и т. п. Форма вполне живая, производительная. Ее происхождение „аbnормально“ (как предполагают, из модели *-u-ā-[i]?*).¹⁷ Она известна и в сабейском (южноаравийском) языке в именах личных, а в виде следов — в близком к нему эфиопском (\triangleright -ə-ē-).

За пределами южносемитской группы ее следы признаются не всеми исследователями. Эти следы предполагаются в аккадском: *ṣuḫēr* 'малыш', *kušīr* 'кусочек' и др.¹⁸ В сирийском сохраняется несколько слов: 'əlaḵmā 'юноша', ḥənaḵṣā 'поросенок', если они не арабского происхождения.¹⁹ Ср. имя местности Ḥrēm (ē или ē?) на севере Палестины (Иис. 19:38. Ср. араб. ḥaraḵm от ḥaram 'святое место'). В еврейском языке родственные формы предполагаются в *zə'ēr* (ē или ē? то же в арамейском языке) 'мало, немножко', 'āmēlāl 'жалкий' (в устах врага вместо 'umlal).

Возможно, что модель *-u-ā-*, если была прасемитской, утратила свою силу в тех языках, где произошел фонетический сдвиг *ā > ē*, ослабивший указанный естественный символизм.

Видимо, именно поэтому в еврейском языке Библии гораздо большие следы уменьшительного значения сохраняет модель **-u/i-î- > -ə-î-(= -ə-i-)*. Некоторые средневековые еврейские грамматисты рассматривали так формы 'āmīnōn (II Сам. 13:20) 'этот жалкий Амнон' (вместо 'Amnōn — обычного имени того же лица) и 'ābīḵōnā (Эккл. 12:5) 'бедняжка (душа)' (? — от 'ebḵōn 'бедный').²⁰ Первый пример изредка приводится и современными лингвистами.²¹ Добавим ряд примеров. Следует оговориться, что морфологически четко еврейская модель *-ə-î-* выделяется лишь в основной форме (без суффиксов, окончаний и так называемого сопряжения), а в прочих случаях, как правило, определяется лишь по значению (причем следует отводить возможные заимствования). Лексически типично обозначение мелких, дробных частиц: *bəqī'im* 'обломки, осколки' (ср. *bīq'-/beqa'* 'отколотая половина'), *rəsisīm* 'дребезги', 'брызги'. Среди предметов ср. *nəḫrōt* 'подвески', букв. 'капли', 'капельки'. Более четко выделяется эта модель в значении уничижительном: 'əlīlīm (ед. ч. 'əlīl) 'божки, идолы' (вместо 'əlīm 'божества', ед. ч. 'əl),²² *rəsilīm* 'идолы'

¹⁷ C. Brockelmann. *Deminutiv...*, S. 109 seqq.; F. Hommel. *Miscellanea (Diminutivbildung)*. OLZ, vol. 10, 1907, S. 484.

¹⁸ W. von Soden. *Grundriss der akkadischen Grammatik*. Roma, 1952, S. 61, § 55. 16.

¹⁹ C. Brockelmann. *Deminutiv...*, S. 122.

²⁰ Дунаш (Адоним) бен-Тамим (X в. н. э.); см.: W. Bacher: *Abraham Ibn Esra als Grammatiker*. Strassburg, 1882, S. 82.

²¹ W. Wright. *A Grammar of the Arabic Language*. Cambridge, 1933, p. 167 (§ 269d). Там же о *šəḫrōn* 'вид змеи' (ср. араб. *si/uff*). Так же: L. Koehler. *Lexicon in Veteris Testamenti Libros*. Leiden, 1958, p. 281 о *ḥāḡila* 'песчаная полоса' (? — от *ḥāl* 'песок').

²² Ср.: C. Brockelmann. *Deminutiv...*, S. 117 (со ссылкой на Шгаде), где форма объяснена лишь повтором согласного (см. ниже).

(вместо *pəsālīm,²³ ед. ч. pisl-/pesel). Особенно это заметно в обозначениях лиц: kəsīl, 'ēūil 'глупец', *'ēšiš (мн. ч. 'āšišē Ис. 16:7) '(жалкий, злосчастный) человечешко' (? — о гибели врага; в варианте той же фразы Иер. 48:31 — 'anšē, ед. ч. 'iš 'человек'),²⁴ и уже приведенное 'āmīnōn 'этот жалкий Амнон' (в устах его врага и будущего убийцы); частный случай — о малолетних: 'āūil (Иов трижды) 'дитя, мальчишка, «молокосос» (ср. 'ūl, 'ōlāl, 'ōlēl 'дитя') и, видимо, gəbīr (Быт. 27:29, 37) 'молодой господин', 'старший из детей', ср. «старшенский» (в устах отца, в отличие от gabr/geber 'зрелый муж', как глава дома — ср. Миха 2:2).²⁵ Ряд приведенных примеров говорит, видимо, даже о живом для той эпохи (хотя, возможно, нелитературном) образовании слов этого типа.²⁶

В побиблейском языке Мишны эту модель выделять еще труднее из-за наплыва арамейских слов (где ряд моделей слился в одну). Уменьшительными здесь считаются kədidā 'кувшинчик' (от kad[d] 'кувшин'), qəṣṣā 'корзинка' (от qurrā 'корзина').²⁷

Подобные формы есть в современном иврите, хотя в несколько измененном виде (трудность отличения ə от ā/ə вылилась здесь в безразличие к первому слогу): dāgig, dāgigōn[et] 'рыбка, рыбешка', 'малек' (от dāg 'рыба'), dəbībōn 'енот' (от dōb/dubb 'медведь'),²⁸ gūṣṣ 'тельце' (от gūṣ 'тело'), ḥelqīq 'частица' (от ḥēleq 'часть') и т. п. Экспрессивно употребляется взятое из арамейского языка qəṭṭīnā 'малыш' (вместо qāṭā/ōn). В именах прилагательных подобные формы (часто взятые из арамейского языка с пересмыслением) отражают различно, в зависимости от значения корня («слабые» качества подчеркиваются [что подкрепляется удвоением среднего коренного], «сильные» — уменьшаются, как и в русском языке): daqqīq 'тоненький' (от daq[q]), qallil 'легонький' (от qal[l]), qəṭṭīn 'малюсенький' (от qāṭā/ōn); ḥāmīm 'тепловатый' (от ḥam[m]), qārīr 'прохладный' (от qar[r]); māṣīr 'горьковатый' (от mar[r]), hāmīš 'кис-

²³ В Библии два согласных написания, но масоретское чтение одно. В современном иврите pəsīlīm 'идолы', но pəsālīm 'статуи'.

²⁴ Относительно 'ē/'ā ср. 'ēdōm — 'ādōmīm. 'āšišē как 'люди', 'жители' понимает греческий (и отсюда — русский) перевод, Таргум ('ēnās) и др.; есть иные переводы: 'основания' или 'виноградные лешки'. Возможно, здесь была игра слов или различные понимания уже в древности, каждое из которых имеет ценность.

²⁵ Здесь «детям» за 40 лет, но для отца они все же дети. Интересно, что в женском роде уменьшительная форма особенно прочна: gəbīrā 'старшая' (из сестер — I Цар. 11:19, а также в качестве титула царицы-матери; gabr, gibbōr — только мужские основы!) как и bəḳīrā 'старшая' (bəḳōr 'старший' — только мужская основа!). Особая связь уменьшительности с детьми и женщинами международна (ср. русск. 'хорошенький, -ая'; итальянские имена личные на -ino/a и т. п.); ср. выше раздел I.

²⁶ На этом список обозначений лиц моделью -ə-ī- (в Библии) исчерпан, если не считать pəṣīb 'наместник' или 'гарнизон' (предположительно < арам.) и недостойное ḥāsīn jāh (Пс. 89:9) 'могучий Йах[вə]', подобное сложному имени (ср. 'ābīja[h] и т. п.).

²⁷ J. Levy. Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim. Berlin—Wien, Bd. II, 1924, S. 295; W. Wright. A Grammar..., p. 167.

²⁸ Совпадает с типом šəṣṣōn (см. прим. 21). Окончание -ōn по происхождению считается ласкательным (см. раздел IIa). О склонности к повтору согласного также см. прим. 37.

ловатый' (от ḥāmūš); возможно также ḥādīš 'новенький' (от ḥādāš; здесь уменьшительность, как и в русском языке, обычно относится к возрасту вещи).

Отметим, что аккад. ṣiḥḥir- 'маленький' имеет необычную, возможно тоже экспрессивную, форму. Ближайшие к нему евр. ṣā'ir, zā'ir, араб. ṣaḡīr входят в довольно обычную для имен прилагательных модель (правда, переосмысленную в новом иврите, как мы уже говорили); ср., однако, от последнего форму ṣuḡaijir с необычным вариантом ṣuḡaijir 'малюсенький'.

В арабском языке есть также очень редкая модель, как бы обратная модели -u-aj- в отношении порядка гласных: это модель -i-: aḡ- (не более десятка малоизвестных слов, обозначающих обычно детенышей). Рассматривать модель как уменьшительную²⁹ нам кажется не вполне точным (например, 'iḡḡaḡl = 'iḡl переводится просто 'теленочек', в отличие от 'uḡaḡl 'теленочек'). Возможно, это ласкательная „переокраска“³⁰ модели -u-aj-.³¹

Краткость элемента -i- в модели -i-: aḡ- вызывает особые сомнения в центральной роли этого слога в отношении символизма. Однако доказательством того, что первично или вторично упор на гласный -i- первого слога мог делаться, является еврейская модель -i-ō- (= -ij-ō-) с явно „абнормальным“ построением первого слога.

В еврейском языке из подобных имен с видимо уменьшительным значением только jillōd '[ново]рожденный' не имеет варианта *jilōd, что можно объяснить особенностями корня. По немасоретским данным известно имя ṣē'ōr(ē' < i'')/si'ōr 'малый, юный'.³² Существуют колебания в огласовке qimmōš/qimōš (š/š) 'сорная поросль, сорняк'. Широко признано уменьшительным имя timōr 'пальмочка (узор)' (от tāmār, tōmer 'пальма').³³ Можно назвать также пару pišōš (корень nšš), kidōd 'искра', как мельчайшая частица огня, и пару qiṭōr 'туман', 'дым' (ср. русск. 'дымок, дымка'; араб. qutār 'туман, выпадающий каплями', qutaḡat 'капелька, частичка, нечто ничтожное'), niḥōāḥ 'испарения, дым (приготовляемой > жертвенной пищи)'. Упомянем šilōāḥ 'источник' (с артиклем — Силоамский источник и канал от него) во фразе 'За то, что презрел сей народ воды Родничка (Ручейка), текущие тихо ... наведет на них Господь воды Реки, сильные и большие' (Ис. 8: 6—7; вне эмоциональной оценки стоит иная, простая форма: šelaḥ — Неем. 3: 15). Ср. также имя

²⁹ Как делает С. Brockelmann (Deminutiv. . . , S. 115). Знаком : обозначается удвоение среднего согласного.

³⁰ См. раздел Па.

³¹ Ср. сир. ḥapaṣā, араб. ḥinpaṣ 'поросенок'.

³² Дважды (Иер. 14: 3, 48: 4) согласное написание ṣ'urī. . . при масоретском чтении ṣ'irē. . . (ед. ч. ṣā'ir). Ср. имена городов: в греческом переводе Στωρ, Στωρ, Στωρ, в масоретском тексте также ṣā'ir (II Цар. 8: 21), ṣō'ar (Быт. 8: 19—22, с толкованием 'малый'), лишь однажды ṣi'ōr (Иис. 15: 54).

³³ Основные этимологические словари со ссылкой: С. Brockelmann. Grundriss. . . , S. 351 (§ 135c: *timmōra < *tumārat). С. Brockelmann (Deminutiv. . . , S. 113) называет уменьшительными ряд имен „пустых“ корней: kiṭōr 'котелок', 'жаровня' (ср. kār 'плавильня'), сир. giṭōrā 'новичок, прозелит', giṭōla 'вид птички'.

речки (вади) šīḥōr 'Черная речка (?)' и слово šīnōq 'ошейник', 'колодки' или 'каморка (узника)' (от корня со значением 'быть узким, тесным').³⁴

Интересно, что признанная уменьшительной и наиболее частая форма tīmōr, как и форма šīlōāḥ, вплоть до масоретской фиксации сохранялась только в устной традиции, никак не отражаясь на письме („вдвойне дефектное“ написание = tāmār/tōmer, šelaḥ). Видимо, это эмоциональные формы, редко попадавшие в письменный язык.

В языке Мишны ср. qīrōb а. 'сова', б. 'обезьянка' ('мартышка', согласно Раши; рядом с qōr 'обезьяна' — Бехорот 8а). К этой же модели, возможно, „подстроилось“ tīnōq 'младенец' (= ḵōnēq; модель ti-ō- неизвестна).

Существуют и другие, весьма редкие модели имен уменьшительных.

„Отчетливо уменьшительной“ признается араб. модель -ái-a- в именах šaīdar (и ḥaīdar?) 'невзрачный, коротышка', а также faīšala 'glans penis' (уничижительно).³⁵ Добавим baīzar 'clitoris' или 'необрезанная в отношении clitoris' в бранной (уничижительной) формуле jā baīzar! Оттенки других слов этой модели не столь ясны. Ласковая уменьшительность возможна в šaīdaq 'доверенный друг', собственно 'дружок' (?).

Высказывалось мнение об исходной уменьшительности арабской модели -aī-ā-, которая „позднее ... стала употребляться главным образом как уменьшительная от имен собственных и для названий растений“ (ср. выше с евр. -ī-ō-); среди личных имен это Baīrūk (от Mubāarak), но особенно в применении к колдунам и духам (в Сайфе), видимо, с целью задобрить или ослабить их силу магией слова.³⁶

В еврейском языке отмечена резко „анормальная“, уникальная форма с уничижительным значением: qīqālōn (Авв. 2:16) 'позор, срам' (рядом с обычной формой qālōn, ср. араб. qilaⁿ). Из двух соседствующих с -i- одинаковых согласных добавочным здесь нам представляется скорее второй (q[īq]ālōn).

В самых различных еврейских моделях мы видели, что вставка уменьшительного -i- часто сопровождается повтором согласного. Давно замечено, что повтор согласного (или группы согласных) может создавать впечатление дробности, отсюда — нередко уменьшительности и уничижительности;³⁷ эту особенность также следует считать природно символической. Однако это свойственно особым семитским моделям с четырьмя или

³⁴ Хотя предполагается чужеродность двух последних слов (< егип., аккад.), как и kīšōr 'прялка' (< шумер.), tīrōš 'молодое вино' (< аккад.?). Больше слов этой модели (кроме неясного kīdōr Иов. 15:24) в Библии нет.

³⁵ С. Brockelmann. *Deminutiv...*, S. 115.

³⁶ Там же со ссылкой на: E. Littmann. *Zwei seltenere arabische Nominalbildungen*. ZS, Bd. 4, 1926, SS. 24—41. Литтман приводит и другие примеры уменьшительных форм для „страшных“ понятий, как 'горе' (ср. русск. 'горюшко', 'смертышка' и т. п.), 'темная ночь', 'знойный день' (ср. 'ну и ночка — хоть глаз коли!', 'ну и жаркий денек!'). Брокельман считает эти случаи полярной увеличительностью; но все же это лишь частные случаи уменьшительной формы (иногда, возможно, с иронией).

³⁷ С любым гласным: fa'al'al, fi'lil/fu'lul. С. Brockelmann. *Deminutiv...*, SS. 117—120; F. Hommel. *Miszellen (Deminutivbildung)*. Festschrift. Ed. Sachau, Berlin, 1915, S. 17—18.

пятью согласными в основе. В наших же примерах повтор наблюдается почти исключительно в коротких основах „нетвердых“ корней. Это показывает, что его главная роль здесь — удлинение „каркаса“ основы, что дает место для вставки уменьшительного *-i-* (*'ēlil* вместо *'ēl*; *qīrōr* вместо *qōr* и т. п.); ту же роль „каркаса“ играет иногда возникающий полугласный (*'āūl* вместо *'ūl*, как и в арабских уменьшительных).

Уменьшительные *ī*, *i* встречаются также в качестве суффиксов.

Весьма распространено мнение о наличии уменьшительного суффикса *-aī* в еврейском и арамейском, причем иногда говорится даже об особой модели *-ə-ū-āī* (наподобие основной уменьшительной арабской модели) в именах личных, как евр. *Kəlūbaī* (ср. арабское мужское имя *Kulaib* 'песик'), и в нарицательном *hāšūraī šēt* (Ис. 20:4) 'голозадый' (уничжительно).³⁸

В новом иврите уменьшительным весьма часто служит суффикс *-it* (где согласный — окончание женского рода) для неодушевленных объектов: *qurṣit* 'коробочка' (от *qurṣā/at* 'коробка'), *millit* 'словечко' (от *milā/at* 'слово'), *kaddūrit* 'шарик' (от *kaddūr* 'шар') и т. п.

Те же суффиксы *-āī* (м. род), *-it* (ж. род) в качестве уменьшительных хорошо известны в языке Тигрэ (Эфиопия).³⁹

Интересны формы, совмещающие уменьшительные инфиксы и суффиксы. В арабском говоре евреев Нижнего Йемена отмечены в качестве „уменьшительных от уменьшительных“ (в основном для имен личных) модели *-u-ē-i*, чаще *-u-ā-i*,⁴⁰ причем последняя, на наш взгляд, так же как и первая, происходит от **-u-aī-i*, но с диссимиляцией *-i-* (как в классической форме „нисбы“ от имен уменьшительных). В новом иврите (из Мишны) укрепилась форма *kaddidit* рядом с *kaddidā*, *kaddit* 'кувшинчик' (от *kad[d]* 'кувшин').

Следует отметить, что „абнормальность“, а также многообразие перечисленных выше уменьшительных форм с *ī*, *i* еще более подтверждают природность и постоянную действенность указанного символизма.

Отражен ли подобный символизм уменьшительности в так называемых хамитских языках (сверх его упомянутого отражения в передаче женского рода), трудно сказать без тщательного специального изучения. Есть предположение об уменьшительных морфемах *-ī* (в именах личных) и *-n[ī]?* в египетском языке; мы склонны видеть символизм уменьшительности в егип. *pnī* 'дитя' (сопоставляется с евр. *piṅ*; ср. исп. *piño* и т. п.).⁴¹ Кроме того, не исключена возможность близости семитского уменьшительно-уничжительного *-i-* к общеберберскому инфиксу *-i-*, означаемому глагольное отрицание (ср. также отрицания хауса *i'i*, евр. *'i*, *'aiin*).

³⁸ F. Praetorius. Fu'ail in Hebräischen und Syrischen. ZDMG, Bd. 57, 1903, SS. 524—529; C. Brockelmann. Deminutiv..., S. 122, здесь говорит лишь о суффиксе.

³⁹ C. Brockelmann. Deminutiv..., SS. 120—121.

⁴⁰ S. D. Goitein. The Language of Al-Gades. The Affective Nouns. Museon, vol. 73, 1960, pp. 372—377, § 6.6 seqq.

⁴¹ H. Ranke. Die ägyptischen Personennamen, Bd. II, Hamburg, 1952, SS. 130, 141—143, 151—152; A. Erman. Neuägyptische Grammatik. Leipzig, 1933, § 135; A. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен? М., 1965, стр. 88.

Довольно отчетливый символизм $u::i$ можно заметить в категории так называемых прилагательных величины языка хауса, модели хузузу мн. ч. хузу-хузу (обозначаем через x, z согласные, через y — гласный), например: $k'ulu-k'ulu$ (ед. ч. $*k'ululu$) 'огромные, громадные' :: $k'ili-k'ili$ (ед. ч. $k'ilili$) 'очень маленькие, крошечные'; $mutu-mutu$ (ед. ч. $*mututu$) 'очень большие' :: $mitsi-mitsi$ (ед. ч. $mitsiti$) 'очень маленькие'; $fururu$ 'безгранично, беспредельно' :: $firiri$ 'узкий и тонкий'. Этот вопрос заслуживает более тщательного и притом отдельного рассмотрения, так как язык хауса стоит на самом краю семито-хамитских языков.

II. ЛАСКАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ (ОКРАСКА \ddot{u})

В заключение необходимо добавить, что с формами уменьшительными далеко не всегда совпадают формы ласкательные. В последних нередко наблюдаются следы особой „сюсюкающей“ окраски (типа \ddot{u}), которая получается при произношении слов с губами, вытянутыми как бы для поцелуя (ср. „у-тю-тю“, обращенное к маленьким детям, и т. п.). Семитские языки на известных нам этапах не знают фонемы типа \ddot{u} ; естественно, что она легче всего должна отражаться в фонемах типа u, o ⁴² (место которых в символизме семитского имени остается, в сущности, незанятым ввиду отсутствия собственно увеличительных форм, как видно из вышеизложенного).

Употребление достоверно ласкательных форм в древних семитских письменных памятниках, как нам кажется, ограничено „детской“ областью, в основном имен личных (типа русских форм на -ю/уша, -ю/ура, -ю/ута, -ю/уся, ю/уля, -ю/уня). Соединение уменьшительного и ласкательного элементов можно видеть в уже рассмотренной арабской модели $-a\dot{i}-\ddot{u}$. Именно в качестве ласкательной (часто сокращенной) формы личных имен известна модель $-a:-\ddot{u}-$ во многих арабских диалектах, возможно и в еврейском языке.⁴³ Также ласкательным считается суффикс $-\ddot{u}p/-\ddot{b}p$ ($-\ddot{d}?$) в еврейском и сирийском;⁴⁴ однако назализованный гласный может нести особую нагрузку, что следует рассмотреть в ином месте.

Мы постарались собрать весь известный нам и наиболее прямо относящийся к вопросу символизма u „большое“ :: i „маленькое“ материал по семитским языкам в области грамматической флексии; постарались объяснить (в ряде примечаний) также все известные нам отдельные слу-

⁴² Ср.: E. Littmann. Zwei Nominalbildungen. . . , S. 40—41: не отделяя форм просто уменьшительных от ласкательных, он говорит о „Koseformen“, привлекая детский язык, где участвуют гласные как $i(e)$, так и $o(u)$, например, нем. Papa > papī, papī (!), raru. Поэтому же он равняет арабские модели $-u-a\dot{i}-$ и $-i:-a\dot{u}-$ (см. выше).

⁴³ F. Praetorius. Fu'ail. . . , SS. 527, 774, и другие авторы.

⁴⁴ C. Brockelmann. Deminutiv. . . , S. 123, и другие авторы (причем такое $-\ddot{b}p$ или $-\ddot{d}p$ принято отличать от $-\ddot{b}p/\ddot{a}p < -\ddot{a}p$; в сирийском языке они пишутся различно). О нарицательных ср. модели $-i:-a\dot{u}$ и $-a\dot{u}-a-$ (Ibid. 115, 123 [хотя в $\dot{g}a\dot{u}zal, da\dot{u}bal$ возможен суффикс $-l$, ср. S. 127 seqq.]). W. Soden (Grundriss. . . , § 56, 40, S. 71) предполагает (вслед за Штаммом) ласкательность в ряде аккадских имен личных на $-\ddot{u}t$ ($-\ddot{u}t?$ — ср. § 8с, S. 10), добавляя $sin\ddot{u}n\ddot{u}tu$ 'ласточка' = евр. $san\ddot{u}nit$ ($-i-$!), но ср. араб. $sun\ddot{u}n$ (коренные \ddot{u}).

чаи, которые иначе могли бы представиться исключениями из указанной закономерности. Мы не проводили статистических подсчетов в пользу утверждаемых положений. Достаточно напомнить, что наиболее фонологически чистый случай указанного противопоставления — местоименная пара $s/h\ddot{u} :: s/h\ddot{i}$ с различием родов (мужской :: женский) — есть одно из наиболее общих и стойких языковых явлений данной семьи вообще (по всем семитским — всех времен — и египетскому языкам), а демонстрирующая символизм уменьшения (движение от -u к -i) модель -u-áĭ-, особенно взятая вместе с вариантом -э-і, есть несомненно (вне конкуренции) распространеннейшая из семитских форм, обозначающих размер. Остальной материал по распространенности не идет в сравнение с этим, хотя и в нем, по нашему мнению, мы находим лишь подтверждение сказанному выше.

Итак, по нашему мнению, указанная языковая семья может считаться убедительным и важным звеном в существующей теории межъязыкового символизма типа $u :: i$ (низкий :: высокий тон).

A. M. Gazov-Ginzberg

THE U: I SYMBOLISM AS EXPRESSION OF SEX (GENDER) AND SIZE IN SEMITIC

The international symbolism of the vowels u (lower pitch) :: i (higher pitch), often expressing the idea of Large :: Small, is now the best supported symbolic-phonetic association (O. Jespersen, E. Sapir, S. Newman etc.). Its particular case is expression of the idea of Masculina :: Feminina (O. Jespersen). In Semitic, with its vocalic system (especially used for grammatical needs, this symbolism is transparent enough. The most ancient phonemes here are the semi-vowels $u::i$ (in diphthongs or long vowels).

The system of $s/hu\ddot{u}$ 'he' :: $s/hi\ddot{i}$ 'she' is attested in all Semitic languages and in Egyptian too.

Diminutive -ĭ- (mostly in a stressed syllable) is widely attested too; its high pitch is often emphasized by a contrasting -u- in another syllable, the whole word having the „rising“ pitch. So, the main Arab pattern -u-áĭ- shows symbolically the process of diminution; Hebrew has a kindred pattern -э-іĭ- (mostly pejorative), with some offsprings in the modern language. There are some other similar diminutive patterns and also suffixes (-aĭ, -iĭ) in Semitic, and probably in Egyptian (-ĭ?).

Hypocoristic colouring, beside of the same diminutive forms, can be expressed by an ü- like articulation (lips for a kiss); its traces can be seen in some by—forms of personal names (Arab -aĭ-û-, -a-: â).